

Alice
MUNRO
1931

Элис
МАНРО

*Ты кем себя
воображаешь?*

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Кан)-44
М 23

Alice Munro
WHO DO YOU THINK YOU ARE?
[The Beggar Maid: Stories of Flo and Rose]
Copyright © 1977, 1978 by Alice Munro
All rights reserved

Перевод с английского Татьяны Боровиковой

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы

ISBN 978-5-389-14870-3

© Т. Боровикова, перевод, 2014
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство АЗБУКА®

Посвящается Дж. Фр.

КОРОЛЕВСКАЯ ВЗБУЧКА

Королевская взбучка. Фло часто этим грозила. Ты у меня получишь королевскую взбучку.

Слово «королевская» рокотало у нее на языке, обретая особое коварство. Розе обязательно нужна была картинка, пускай нелепая, и эта нужда была сильнее осторожности. Поэтому, вместо того чтобы испугаться, она задавалась вопросом: как взбучка может быть королевской? В конце концов ей представилась обсаженная деревьями аллея, парадно одетые зрители, белые кони и черные рабы. Кто-то становился на колени, и брызгала кровь, словно реяли алые стяги. Дикое и вместе с тем великолепное зрелище. Во взбучках, которые происходили на самом деле, не было ни капли благородства. Одна Фло пыталась внести в происходящее некую торжественность, сожаление о неприятной, но неизбежной процедуре. А Роза и ее отец очень быстро теряли лицо.

Королем королевских взбучек был отец. Фло не умела так, как он: она могла шлепнуть или отвесить затрещину, думая при этом о чем-то другом и приговаривая: «Не лезь не в свое дело» или «Чтоб я не видела у тебя этой наглости на лице».

Они жили в задней части лавки в городке Хэнрэтти, расположенном в провинции Онтарио. Вчетвером: Роза, отец, Фло и Брайан, младший единокровный брат Розы. Лавка на самом деле была жилым домом — родители Розы когда-то давно, после своей свадьбы, купили его и открыли мастерскую по обивке и ремонту мебели. Обивкой занима-

лась мать Розы. Роза, по идее, должна была бы унаследовать от обоих родителей умелые руки, хорошее чувство материала и глаз на лучший способ починки. Но не унаследовала. Она была неуклюжа, и если что-то ломалось, она старалась побыстрее замести обломки и выбросить.

Мать Розы умерла. Однажды после обеда она сказала отцу Розы: «У меня какое-то странное ощущение, не могу описать. Как будто у меня в груди крутое яйцо, прямо в скорлупе». Еще до вечера она умерла. У нее оказался тромб в легком. Роза в то время была еще младенцем в колыбели и, конечно, ничего такого не помнит. Эту историю она услышала от Фло, которой рассказал отец. Вскоре появилась сама Фло — чтобы заботиться о Розе в колыбельке, выйти замуж за отца Розы и открыть бакалейную лавку в гостиной дома. Розе, не знавшей иного дома, кроме лавки, и иной матери, кроме Фло, шестнадцать месяцев, которые ее родители прожили в доме, казались иной эпохой — эпохой размеренной жизни, нежности, церемонности в укладе, с мелочами, говорящими о достатке. Она думала так только из-за купленных когда-то матерью подставочек для яиц — с узором из виноградных лоз и птиц, изящным, будто нанесенным красной тушью; он уже начал стираться. Больше от матери не осталось ничего — ни книг, ни одежды, ни фотографий. Вероятно, отец от них избавился — а если не он, так Фло. В единственной истории о матери Розы, которую Фло рассказывала Розе, звучала какая-то странная зависть. Фло любила подробности чужих смертей: что человек сказал, как протестовал или как пытался сбежать со смертного одра, как ругался или смеялся (некоторые ругались или смеялись). Но Фло так пересказывала слова матери о крутом яйце, что они звучали очень глупо: как будто мать Розы и вправду верила, что человек может целиком проглотить яйцо в скорлупе.

Отец занимался ремонтом и реставрацией мебели в сарае за магазином. Он плел спинки и сиденья стульев, восстанавливал другую плетеную мебель, заделывал трещи-

ны, ставил на место отвалившиеся ножки — он был чрезвычайно искусным мастером и брал сущие гроши. Для него это был источник гордости: он любил поражать людей прекрасной работой за умеренные и даже смешные деньги. Может быть, во время Великой депрессии люди и не могли платить больше, но он продолжал вести дела подобным образом и во время войны, а потом и в годы послевоенного процветания, пока не умер. Он никогда не обсуждал с Фло свои расценки или кто из заказчиков сколько ему должен. Когда он умер, ей пришлось отпереть сарай и снять со страшноватых крюков, что служили ему картотекой, охапки клочков бумаги и рваных конвертов. Причем многие из них оказались даже не счетами и не расписками, а заметками о погоде или о том, что происходит в саду, — о чем попало, что отцу пришло в голову записать.

Ели молодую картошку 25 июня. Рекорд.
«Темный день» в 1880-х, ничего сверхъестественного.
Облака пепла от лесных пожаров.
16 авг. 1938. Сильная гроза веч. Молния уд. в пресвит. церковь в Тэрберри. Воля Божия?
Ошпарить клубнику, чтобы убрать кислоту.
Все существующее — живое. Спиноза.

Фло сочла Спинозу каким-то овощем, который отец решил растить на огороде, вроде брокколи или баклажанов — он часто пробовал что-нибудь новое. Она показала этот клочок бумаги Розе и спросила, не знает ли та, что это за спиноза такая. Роза знала или, по крайней мере, имела представление — в то время она была уже подростком, — но ответила, что не знает. В этом возрасте ей казалось, что она не вынесет больше ни единой новой подробности об отце или Фло, и потому она в страхе и смущении отвергала всякое новое открытие.

В отцовском сарае была печка и множество неструганых полок, заставленных жестянками с краской и лаком, шеллаком и скипидаром и банками, где отмокали кисти. Тут же

рядом стояли бутылки с темной липкой микстурой от кашля. Зачем отец, который постоянно кашлял, нюхнув газу на войне (в годы Розиного детства эту войну называли не Первой, а Последней), каждый день дышал парами краски и скипидара? В ту эпоху такие вопросы звучали реже, чем в наши дни. На скамье у лавки Фло целыми днями просиживали старики, живущие по соседству, — сплетничали, в теплую погоду дремали. Некоторые из них тоже все время кашляли. На самом деле они умирали, медленно и незаметно для окружающих, от болезни, которую тогда без особой скорби называли «литейной болезнью». Эти старики всю жизнь проработали на литейном заводе, расположенном в городке, а теперь сидели неподвижно, с изможденными желтыми лицами, кашляя, хихикая или раздражаясь бессвязной похабщиной в адрес проходящих мимо женщин или девушки, едущей на велосипеде.

Однако из отцовского сарая доносился не только кашель, но и речь — непрерывное бормотание, обычно самую чуточку ниже того уровня громкости, на котором удастся разобрать слова. Бормотание замедлялось, когда отцу попадалась особо сложная работа, и несло бодрым потоком, если отец делал что-нибудь совсем простое, вроде ошкуривания или покраски. Время от времени из сарая вылетали отдельные разборчивые слова, отчетливо и абсурдно повисая в воздухе. Когда отец это понимал, он принимался для маскировки кашлять, а затем воцарялась необычная настороженная тишина.

«Макароны, пеперони, Боттичелли и бобы...»

Что это могло означать? Роза повторяла отцовские слова про себя. Отца она спросить не могла. Человек, произнесший эту фразу, и человек, что жил рядом с Розой как ее отец, были двумя разными людьми, хотя явно занимали одно и то же место в пространстве. Показать, что знаешь о существовании личности, которой здесь на самом деле нет, — чрезвычайно дурной тон, непростительный поступок. Но Роза все равно болталась у сарая и подслушивала.

«Башни гордые», — услышала она однажды.

«Все башни гордые, дворцы, палаты...»¹

Эти слова оглушили Розу, словно ее хлопнули рукой по груди, — не больно, но ошарашивает. Ей пришлось обратиться в бегство, убраться подальше. Она знала, что услышанного достаточно, и к тому же что, если он ее застанет? Будет просто ужасно.

В этом было что-то общее со звуками из туалета. Фло скопила денег на то, чтобы оборудовать уборную в доме, но единственным местом, куда ее удалось приткнуть, оказался угол кухни. Дверь была плохо пригнана, стены картонные. В результате нельзя было даже кусок туалетной бумаги оторвать или перенести вес тела с одной ягодицы на другую, чтобы тебя не услышали сидящие, беседующие или едящие на кухне. В результате все домашние в подробностях изучили чревоушание друг друга — не только бурно протекающие процессы, но и нежнейшие вздохи, урчания, заявления и жалобы. Вся семья была крайне чопорна. Поэтому никто никогда вроде бы не слышал и не слушал и тем более никогда не комментировал. Человек, издающий звуки в туалете, не имел ничего общего с человеком, который оттуда выходил.

Они жили в бедной части городка. Был город Хэнрэтти, а был еще Западный Хэнрэтти — их разделяла река. В Хэнрэтти иерархия общества начиналась с врачей, дантистов и адвокатов, а в самом низу стояли рабочие литейного завода, фабричные рабочие и ломовые извозчики. В Западном Хэнрэтти иерархия начиналась с фабричных и заводских рабочих, а в самом низу были большие неимущие семьи контрабандистов спиртного, проституток и неудачливых воров. Роза считала, что ее семья стоит враскоряку — одна нога на одном берегу, другая на другом. Что они не принадлежат полностью ни к одной из двух частей города. Но это была неправда. И их лавка, и сами они находились в Запад-

¹ Шекспир У. Буря. Акт IV, сц. 1. Перев. М. Кузмина.

ном Хэнрэтти. Через дорогу от них была кузнечная мастерская — она стояла заколоченной примерно с начала войны — и дом, в котором когда-то располагалась другая лавка. В окне на фасаде до сих пор висела вывеска: «Чай „Саллада“» — хозяева, видно, гордились ею как интересным украшением, хотя чая здесь давно уже не продавали. Тут же был тротуар — такой кривой и потрескавшийся, что катание на роликах исключалось, хотя Роза мечтала о роликовых коньках и часто представляла себе, как проносится по улице, модная и ловкая, в юбочке из шотландки. Здесь же стоял единственный уличный фонарь городка, подобный жестяному подснежнику; на этом городские удобства иссякали, и дальше шли проселочные дороги и заболоченные низины, палисадники с кучами мусора и дома чрезвычайно странного вида. Такой вид им придавали попытки предотвратить их полное физическое разрушение. Владельцы некоторых домов даже и не пытались ничего делать. Такие дома были серые, они прогнили и покосились, сливаясь с фоном из поросших кустами лощин, лягушачьих прудов, камышей и крапивы. Чаше, однако, владельцы пытались чинить дома — для этого в дело шли рубероид, малочисленные новые черепицы, жестяные листы, расплюснутые молотком обрезки печных труб и даже картон. То было, конечно, в предвоенные годы, которые потом считались эпохой легендарной бедности. Но Роза помнила из тех дней только низко расположенные вещи — грозного вида муравейники и деревянные ступеньки, а еще — прикрытый облаками, интересный, загадочный свет вселенной.

Сначала между Фло и Розой было долгое перемирие. Характер Розы рос и развивался, как колючий ананас, но медленно и тайно закоснелая гордость и скептицизм брали верх, и выходило что-то такое, что удивляло даже и саму Розу. Пока Роза была еще мала для школы, а Брайан — еще в колясочке, Роза все дни проводила в лавке с Фло и сводным братом: Фло сидела на высоком табурете за прилавком,

а Брайан спал у окна. Роза стояла на коленях или лежала на животе на широких скрипучих досках пола и рисовала цветными мелками на кусках оберточной бумаги, которые Фло сочла слишком изодранными или неровно отрезанными, а потому непригодными для того, чтобы заворачивать в них товар.

Покупали у них в основном те, кто жил по соседству. Заглядывали и деревенские по пути домой из города, и изредка — жители Хэнрэтти, зашедшие на другой берег. Некоторые местные обитатели все время маячили на главной улице, переходя из одного магазина в другой, словно их долго было постоянно выставлять себя напоказ, а их правом — чтобы их всюду любезно привечали. Бекки Тайд, например.

Бекки Тайд входила в лавку к Фло, вскарабкивалась на прилавок и усаживалась, раздвигая товар, так, чтобы оказаться поближе к открытой жестянке песочного печенья с джемовой начинкой.

— Вкусное? — спрашивала она у Фло, нагло брала одно и принималась жевать. — Когда ты уже возьмешь нас на работу, а, Фло?

— Ты бы лучше в мясную лавку устроилась, — безмятежно отвечала Фло. — В мясную лавку, к своему брату.

— К Роберте? — восклицала Бекки с театральным презрением. — Ты думаешь, я дойду до такого?

Брата Бекки, владельца мясной лавки, звали Роберт, но часто называли Роберта — очень уж он был кроткий и робкий. Бекки Тайд смеялась. Смеялась она громко и шумно, словно рядом набирал обороты мотор.

Бекки — карлица, громкоголосая, с большой головой, с бесполой залихватской походкой, как у марионетки или человечка-талисмана, болтающегося у ветрового стекла. Еще у нее был красный бархатный берет. Из-за искривленной шеи Бекки держала голову набок, всегда глядя снизу вверх и в сторону. Туфли у нее были маленькие, начищенные, на высоком каблуке, как у настоящей дамы. Роза смот-

рела на туфли, потому что вся остальная Бекки — этот смех и эта шея — ее пугали. От Фло Роза знала, что Бекки Тайд в детстве переболела полиомиелитом, и потому у нее кривая шея и она не выросла как положено. Очень трудно было поверить, что Бекки не родилась такой, что она когда-то была нормальной. Фло говорила, что Бекки не чокнутая — у нее не меньше мозгов, чем у кого другого, просто она знает, что ей все сойдет с рук.

— Ты же знаешь, что я раньше тут жила? — спрашивала Бекки, вдруг замечая Розу. — Эй, привет, как-тебя-звать! Я раньше тут жила, скажи, Фло?

— Если и жила, это было еще до меня, — отвечала Фло, словно бы ничего не зная.

— Еще до того, как тут стала помойка, уж извините. Мой отец построил тут дом и бойню тоже, и еще у нас был плодовый сад на пол-акра.

— В самом деле? — отзывалась Фло, как бы восхищаясь, с фальшивым удивлением и даже подобострастием. — А зачем же вы тогда отсюда уехали?

— Я же говорю, тут стала помойка, — отвечала Бекки.

Она могла засунуть в рот печенье целиком, если ей хотелось, — тогда щеки у нее раздувались, как у жабы. Никаких подробностей она никогда не рассказывала.

Но Фло, конечно, все равно знала, потому что знали все. Все знали и этот дом из красного кирпича, с вынесенной верандой, и плодовый сад — то, что от него осталось, заваленное обычным хламом: автомобильными сиденьями, стиральными машинами, пружинами от матрасов и прочим мусором. На фоне такой разрухи и хаоса дом никогда не выглядел зловеще, несмотря на то что в нем творилось когда-то.

По рассказам Фло, старик-отец Бекки был совсем иного рода мясником, нежели ее брат. Англичанин, со скверным характером. И на Бекки, с ее злым языком, он тоже был не похож. Он вообще редко открывал рот. Скрыга и семейный тиран. Когда Бекки переболела полиомиелитом, он не

позволил ей вернуться в школу. Ее редко видели вне дома и никогда — за пределами двора. Отец не хотел, чтобы люди злорадствовали. Так сказала Бекки на суде. К этому времени ее мать умерла, а сестры вышли замуж. Дома остались только Бекки и Роберт. Люди останавливали Роберта на улице и спрашивали:

- Как там твоя сестра? Ей лучше стало?
- Да.
- Она по дому управляется? Готовит вам ужин?
- Да.
- А что твой отец? Он к ней по-хорошему?

Слухи гласили, что отец их бил — всех детей и жену тоже, но Бекки теперь бил сильнее из-за ее уродства. Кое-кто считал, что и уродство Бекки — дело рук отца (они не понимали, что такое полиомиелит). Сплетни росли и развивались. Теперь оказалось, что Бекки держат подальше от людских глаз, потому что она беременна и отец ребенка — ее собственный отец. Потом стали говорить, что Бекки родила, а от ребенка избавились.

- Что?
- Избавились. Так тогда говорили: «Сходи к Тайду за бараньими котлетками, уж больно они у него нежные!» Но, скорей всего, вразли, — с сожалением добавила Фло.

Слыша это сожаление и осторожность в голосе Фло, Роза иногда вздрагивала и отрывалась от окна, за которым ветер, забравшись в прореху, трепал изо всех сил полотняный навес. Когда Фло рассказывала — а это была не единственная из историй в ее репертуаре и даже не самая мрачная, — она склоняла голову набок и лицо у нее становилось мягкое, задумчивое, оно затягивало и одновременно предостерегало.

- Вообще напрасно я тебе все это рассказываю.
- Затем рассказ продолжался.

Трое молодых лоботрясов, которые обычно околачивались на извозничьем дворе, сговорились — или же их уговорили более влиятельные и уважаемые жители города —

и решили выпороть старика Тайда извозничьим кнутом для блага общественной нравственности. Лица они замазали сажей. Им выдали кнуты и по кварте виски на нос для храбрости. Это были: Джелли Смит, игрок в тотализатор и пьяница; Боб Темпл, бейсболист и силач; и Котелок Неттлтон, который возил грузы на подводе, принадлежащей городу, — прозвище он получил за шляпу-котелок, который носил как из тщеславия, так и для смеха. (Кстати сказать, в дни, когда Фло рассказывала эту историю Розе, Котелок по-прежнему работал ломовым извозчиком; он сохранил если и не шляпу, то прозвище, и его часто видели на людях — почти так же часто, как Бекки Тайд; он доставлял мешки с углем, и от этого лицо и руки у него были черные. Это должно было бы напомнить людям историю с мясником, но не напоминало. Настоящее и прошлое — мелодраматически преступное былое из рассказов Фло — никак не стыковались, во всяком случае для Розы. Люди настоящего не вменялись в прошлое. Сама Бекки, городская чудачка и любимица публики, безвредная злючка, никак не могла быть тем же человеком, что пленница мясника, дочь-калека, белое пятнышко в окне: немая, избиваемая, насильно оплодотворенная. Так же и дом, в котором все это происходило, никак не вязался с теперешним домом — их общность была чисто формальной.)

Парни набрались духу для порки и пришли к дому Тайда поздно вечером, когда семья уже легла спать. У парней было ружье, но они стали стрелять в воздух во дворе и истратили все патроны. Они начали орать, чтобы мясник вышел, и колотить в дверь; в конце концов они ее выбили. Тайд решил, что это грабители пришли за его деньгами, завернул в носовой платок несколько купюр и послал Бекки с платком вниз: может быть, надеялся, что вид маленькой кривошей девочки, карлицы, тронет или, наоборот, испугает пришельцев. Но их это не удовлетворило. Они поднялись наверх и выволокли мясника в ночной рубашке из-под

кровати. Они вытащили его на улицу и поставили босиком на снег. Было четыре градуса ниже нуля — этот факт потом установили в суде. Парни хотели устроить показательный суд над мясником, но не смогли вспомнить, как это делается. Поэтому они стали его бить и били, пока он не упал. Они орали на него: «Ты мясо!» — и продолжали бить, пока его ночная рубашка и снег, на котором он лежал, не покраснели. Сын мясника, Роберт, говорил потом на суде, что не смотрел на избиение. Бекки показала, что он сначала смотрел, но потом убежал и спрятался. Сама она смотрела с начала до конца. Она видела, как парни наконец ушли и как ее отец медленно, оставляя кровавый след, тащился по снегу двора и потом по ступеням на веранду. Она не вышла ему помочь и не открыла входную дверь, пока мясник до нее не дополз. Почему, спросили ее на суде, и она ответила, что не вышла, потому что была в одной ночной рубашке, а дверь не стала открывать, чтобы не напустить холоду.

Затем старик Тайд вроде бы оправился. Он послал Роберта седлать лошадь, а Бекки заставил нагреть воды для мытья. Помывшись, он оделся, взял все свои деньги и, не сказав ни слова детям, уехал на санях в Белгрейв, где оставил лошадь привязанной на холоде и сел на утренний поезд в Торонто. В поезде он вел себя странно — стонал и ругался, словно пьяный. Через день его подобрали на улице в Торонто — он был в жару и бредил — и положили в больницу, где он и умер. Все деньги так и были при нем. В качестве причины смерти указали пневмонию.

Но, рассказывала дальше Фло, власти пронюхали, что случилось. Дело дошло до суда. Все трое виновных получили большие тюремные сроки. Это была комедия, сказала Фло. Не прошло и года, как все трое были на свободе, им выхлопотали помилование, их уже ждали рабочие места. А почему же? Да потому, что слишком много важных шишек было во всем этом замешано. А Бекки и Роберт как будто бы и не хотели искать справедливости. Они унасле-

довали неплохие деньги. Купили дом в Хэнрэтти. Роберт взял на себя лавку отца. Что до Бекки, то ее заточение кончилось и она стала вести активную светскую жизнь.

Вот и все. Фло прервала рассказ, будто крышку захлопнула — будто ее от этой истории тошнило. В ней все показали себя не лучшим образом.

— Только подумать, — говорила Фло.

Самой Фло в то время было лет тридцать с небольшим. Молодая. Одевалась она, впрочем, точно так, как могла одеваться женщина в пятьдесят, шестьдесят или даже семьдесят лет: домашние платья-халаты из набивного ситца, свободные не только в поясе, но и в проймах и горловине, и фартуки с нагрудником, тоже из набивного ситца, которые она снимала, выходя из кухни в лавку. Тогда это была обычная одежда бедной, но не нищей женщины; для Фло это был также в каком-то смысле сознательный выбор, выражающий презрение. Фло презирала женские брюки, презирала людей, пытающихся одеваться стильно, презирала помаду и завивку-перманент. Черные волосы она стригла «под горшок», оставляя ровно такую длину, чтобы можно было заправлять за уши. Она была высокая, но тонкокостная, с узкими запястьями и плечами, маленькой головой и бледным, веснушчатым подвижным, обезьяньим личиком. Она могла бы быть хорошенькой — бледная, черноволосая, хрупкая красота, плод усилий, — будь у нее на то желание и возможности. Но Роза поняла это лишь потом. Впрочем, для такого Фло должна была бы быть совершенно другим человеком, — в частности, ей пришлось бы отучиться строить рожи себе самой и другим.

Первые воспоминания Розы, относящиеся к Фло, содержали в себе необыкновенную мягкость и жесткость. Мягкие волосы, длинные мягкие бледные щеки, мягкий и почти невидимый пушок перед ушами и на верхней губе. Острые колени, на которых так жестко было сидеть, и плоская грудь.

Когда Фло пела:

Здесь на деревьях растут сигареты,
Слышали, может, про чудо про это?
Здесь лимонадные реки текут,
Яйца вкрутую куры несут...¹ —

Роза вспоминала о прежней жизни Фло. До замужества Фло работала подавальщицей в кофейне на центральном вокзале в Торонто; она ездила с подружками, Мэвис и Айрин, гулять на Центральный остров, ее преследовали по темным улицам мужчины, и она умела управляться с телефонами и лифтами. В голосе Фло Розе слышалась типичная для жителя большого города безрассудная привычка к опасности, готовность отбрить кого угодно, не выпуская жвачки изо рта.

А когда она пела:

И тихо-тихо подошла,
И тихо рядом встала,
И говорит ему: «Беда,
Ты умираешь, малый!» —

Роза думала еще об одной жизни Фло — жизни, лежащей еще глубже, раньше, заполненной людьми-легендами: в этой жизни были Барбара Аллен², отец Бекки Тайд и разные другие преступления и злоключения, все сбитые в одну кучу.

Королевские взбучки. Как они начались?

Представьте себе весенний субботний день. Листья еще не распустились, но люди уже оставляют нараспашку двери, чтобы в дома лился солнечный свет. Вороны. Канавы полны талой воды. Такая погода вселяет надежду. По субботам Фло часто оставляла Розу присматривать за лавкой — это было несколько лет назад, когда Розе было лет девять-двенадцать, — а сама шла по мосту в Хэнрэтти («в город», как

¹ Здесь и далее, если не указано иное, перевод стихов выполнен Д. Никоновой.

² Героиня процитированной выше одноименной шотландской баллады, известной с XVII в.

это у них называлось), чтобы там походить по магазинам и послушать, что люди говорят. К этим людям относились, например, миссис Дэвис, жена адвоката, миссис Хенли-Смит, жена англиканского священника, и миссис Маккей, жена ветеринара. Придя домой, Фло за ужином передразнивала их: высокопарные реплики, манерные голоса. В ее исполнении они казались чудовищами: монстрами глупости, тщеславия и самодовольства.

Закончив прогулку по магазинам, Фло заходила в кофейню при гостинице «Королевская» и съедала мороженое. Когда она возвращалась домой, Роза и Брайан обязательно допытывались, какой сорт она сегодня ела, и бывали очень разочарованы простым ананасным или карамельным, но счастливы, если это оказывался какой-нибудь сложный десерт — «Жестяная крыша» или «Черное и белое». После мороженого Фло выкуривала сигарету. У нее с собой были уже скрученные, чтобы не крутить прямо на людях. Курение было единственным ее занятием, которое она, заметив у любого другого, назвала бы показухой. Эта привычка осталась у нее с тех пор, когда она работала, — с Торонто. Фло знала, что, куря, напрашивается на неприятности. Однажды к ней прямо в гостинице «Королевская» подошел католический священник и поднес зажигалку к сигарете, которую Фло не успела раскурить спичками. Она поблагодарила священника, но в разговор с ним не вступила — а то вдруг он попытается обратить ее в свою веру.

Другой раз, на пути домой, она увидела у моста — у городского конца моста — парнишку в синей куртке. Он вроде бы смотрел на воду. Лет восемнадцать-девятнадцать. Фло его не знала. Тощенький дохляк на вид — с ним явно что-то было не так, Фло это сразу поняла. Может, собрался топиться? Стоило Фло поравняться с ним, что бы вы думали он сделал? Повернулся к ней и распахнул куртку, а заодно с курткой и штаны. Замерз, должно быть, — день был такой зябкий, что Фло изо всех сил запахивалась в собственное пальто.

Увидев, что у парня в руке, Фло, по ее словам, поначалу подумала: что это он тут делает с колбасой?

Она могла такое сказать. Она преподносила это как искренность, а не шутку. По ее словам, она терпеть не могла, когда несут похабщину. Она часто выходила и кричала старикам, сидящим перед ее лавкой:

— Ну-ка не смейте сквернословить, а то я вас живо прогоню отсюда!

Итак, суббота. Фло почему-то не пошла «в город», а решила остаться дома и отскоблить пол на кухне. Может быть, от этого она не в духе. А может, она сегодня вообще не в духе — оттого ли, что покупатели не платят по счетам, или от весеннего брожения чувств. Ее борьба с Розой уже началась — уже идет словно целую вечность, как сон, уходящий далеко в другие сны, через холмы и дверные проемы, сводящий с ума многолюдьем и расплывчатостью, знакомый и ускользающий. Перед мытьем пола Фло и Роза вытаскивают из кухни все стулья, а также сложенные там запасы магазинных товаров — ящики с консервами, жестянки с кленовым сиропом, канистры с керосином, бутылки уксуса. Все это они выносят в дровяной чулан. Брайан, которому в это время лет пять или шесть, тоже помогает — таскает жестянки волоком.

— Да, — говорит вдруг Фло, обретая потерянную нить нашего рассказа, — кстати, о той гадости, которой ты научила Брайана.

— Какой гадости?

— А он, невинное дитя, все повторяет.

Выходя из кухни в дровяной чулан, надо спуститься на одну ступеньку. Ступенька покрыта ковром, таким изношенным, что Роза даже не помнит, какой на нем был узор. Брайан, таща жестянку, сдвигает ковер с места.

— Два Ванкувера, — тихо говорит она.

Фло уже вернулась на кухню. Брайан смотрит на Фло, потом опять на Розу, и Роза повторяет чуть громче, нарастающим, подсказывая:

— Два Ванкувера...

— ...в соплях! — подхватывает Брайан, не в силах удержаться.

— И две жопы...

— ...в хрусталях!

Вот она. Гадость.

Два Ванкувера в соплях!

И две жопы в хрусталях!

Роза выучила этот стишок много лет назад. Когда только что пошла в школу. Она тогда пришла домой и спросила Фло:

— Что такое ванкувер?

— Город такой. Далёко отсюда.

— А если не город, то что?

— Что значит «если не город»? — уточнила Фло.

— Ну... как город может быть в соплях? — сказала Роза, приближая опасный момент, восхитительный момент, когда ей придется выложить все целиком.

«Два Ванкувера в соплях! / И две жопы в хрусталях!»

— Ну, ты у меня получишь! — завопила Фло во вполне предсказуемой ярости. — Еще раз повтори, и получишь хорошенько!

Роза не могла остановиться. Она нежно мурлыкала про себя это двустипие. Она пыталась произносить вслух только невинные слова, а другие — мычать под сурдинку. Дело было не только в запретных «жопах» и «соплях»: дело было в невозможном положении Ванкуверов среди хрусталей и соплей и в невообразимости этих Ванкуверов. Роза видела «ванкуверы» мысленным взором — они представлялись ей чем-то вроде осьминогов, судорожно сокращающихся в кастрюле. Крушение здравого смысла, ликующий фейерверк безумия..

Недавно Роза вспомнила этот стишок и научила ему Брайана — просто чтобы посмотреть, подействует ли так же и на брата. Разумеется, стишок оказал точно такое же действие.

— Я тебя слышала! — кричит Фло. — Все слышала! И я тебя предупреждаю!

Верно, она предупреждает. Брайан принимает предупреждение к сведению. Он выбегает из дому через дверь деревянного чулана, чтобы заняться, чем его душа пожелает. Он мальчик — а значит, не обязан помогать, если ему не хочется. Он не обречен на вечную борьбу с домашним хозяйством. Впрочем, он тут и не нужен — Роза и Фло используют его только как оружие друг против друга и едва замечают, что он ушел. Они продолжают — не могут не продолжать, не могут оставить друг друга в покое. Даже если кажется, что им надоело, это значит всего лишь, что они сидят в засаде и разводят пары.

Фло приносит ведро, щетку, тряпку для пола и подушечку для коленей — грязно-красную, резиновую. Она принимается тереть пол. Роза сидит на кухонном столе — больше в кухне сидеть уже негде — и болтает ногами. Клеенка прохладная: Роза чувствует это кожей, потому что на ней шорты — прошлогодние, тесные и выгоревшие на солнце, вытащенные из мешка с летней одеждой. Они чуть-чуть припахивают сыростью после зимнего хранения.

Фло ползает вниз — она трет пол щеткой и вытирает тряпкой. У нее длинные белые мускулистые ноги, сплошь покрытые сеткой вен, словно кто-то нарисовал карту рек химическим карандашом. В скрежете щетки о линолеум и в свисте тряпки слышится чудовищный накал, яростное отвращение.

Что они говорят друг другу? Это не важно на самом деле. Фло упоминает манеру падчерицы «умничать», ее грубость, неопрятность и заносчивость. То, что она постоянно добавляет работы другим, и ее неумение быть благодарной. То, что она развращает невинного Брайана. «Ты вообще никто, — говорит Фло и тут же: — Кем ты себя воображаешь?»

Роза опровергает ее слова и возражает — с ядовитейшей рассудочностью и кротостью, с хорошо сыгранной безмятежностью. Фло теряет свое обычное презрительное са-

мообладание и сама начинает играть, словно актриса, удивительно страстно. Она заявляет, что принесла свою жизнь в жертву ради Розы. Увидела ее отца с обузой на руках, дочерью-младенцем, и подумала: что теперь делать этому человеку? И вышла за него замуж, и вот теперь ползает на коленках.

Тут звонит колокольчик — в лавку вошел покупатель. Поскольку ссора в разгаре, Розе не разрешают выйти обслужить его. Фло встает, со стоном стягивает фартук — впрочем, этот стон не часть разговора, и Розе не разрешено разделить звучащее в нем негодование, — выходит в лавку и обслуживает покупателя. Роза слышит ее нормальный голос:

— Да и пора уже! В кои-то веки!

Фло возвращается и снова надевает фартук, готовая вновь приняться за полы.

— Ты никогда ни о ком не думаешь, кроме себя! Никогда не думаешь обо всем, что я для тебя делаю.

— А я тебя никогда и не просила ничего для меня делать. Вот и не делала бы. Мне было бы только лучше.

Говоря это, Роза глядит прямо в лицо Фло и улыбается. Фло еще не опустилась на колени. Она видит улыбку, хватает половую тряпку, висящую на краю ведра, и швыряет в Розу. Возможно, она целилась в лицо, но тряпка падает Розе на ногу, и Роза ловит ее ступней, небрежно крутанув вокруг лодыжки.

— Ну все, — говорит Фло. — Наконец ты своего доби-
лась. Ну ладно же.

Роза смотрит, как Фло выходит в дровяной чулан, топает по чулану, на миг замирает в дверном проеме, где еще не успели повесить сетку от насекомых, а внешняя дверь стоит нараспашку, подпертая кирпичом. Фло зовет отца Розы. Она зовет его предостерегающим, зловещим голосом, словно против своей воли вынуждена подготовить его к плохим вестям. Вот сейчас он у нее узнает, что случилось.

Пол на кухне покрыт линолеумом с пятью или шестью разными узорами. Это обрезки и остатки, которые Фло добыла бесплатно и ловко пригнала один к другому при помощи полосок жести и обойных гвоздиков. Сидя на столе в ожидании, Роза смотрит на пол — на увлекательную систему прямоугольников, треугольников и каких-то других геометрических фигур, название которых она пытается вспомнить. Она слышит, как возвращается Фло — через дровяной чулан, по мостку из скрипучих досок, положенных прямо на земляной пол. Фло тянет время — она тоже ждет. Они с Розой больше не могут продолжать битву своими силами.

Роза слышит, как в дом входит ее отец. Она застывает, по ногам пробегает дрожь, и Роза снова ощущает бедрами клеенку. Отец, которого оторвали от какой-то мирной, сосредоточенной работы, от слов, звучащих у него в голове, от самого себя, должен что-нибудь сказать. И он говорит:

— Ну? Что у вас стряслось?

Начинает звучать другой голос — Фло. Богатый оттенками, полный боли, извиняющийся — как будто она изговорила его специально к случаю. Фло просит прощения у отца, что оторвала его от работы.

Она бы ни за что не стала этого делать, если бы Роза ее не довела. Каким образом довела? Нахальными ответами, наглостью и грязным языком. Если бы сама Фло осмелилась сказать такое собственной матери, отец ее с землей сровнял бы, она точно знает.

Роза пытается вклинить в разговор, сказать, что это неправда.

Отец поднимает ладонь и говорит, не глядя на нее: «Тихо».

Говоря, что это неправда, Роза имеет в виду, что не она начала этот разговор, что она лишь ответила, что Фло ее спровоцировала: по ее мнению, Фло сейчас откровенно лжет, передергивая события так, как ей удобно. Роза не упоминает другой факт, который ей также известен: на самом де-

ле, что бы ни сказала и ни сделала Фло, что бы ни сказала и ни сделала сама Роза, это совершенно не важно. Важна борьба как таковая, а ее остановить нельзя, она не остановится, даже дойдя до того места, где они находятся сейчас.

У Фло грязные коленки, хоть она и подкладывала под них подушечку. У Розы на ноге еще висит половая тряпка.

Отец вытирает руки, слушая жалобы Фло. Он не торопится. Ему всегда нужно время, чтобы вникнуть в суть происходящего, он уже заранее утомлен и, может быть, вот-вот отвергнет роль, которую ему навязывают. Он не смотрит на Розу, а стоит ей шевельнуться или пикнуть, он останавливает ее жестом ладони.

— Ну, зрители нам тут не нужны, это уж точно, — говорит Фло, выходит в лавку, запирает ее и вешает в окне табличку: «Скоро вернусь».

Табличку сделала для нее Роза, тщательно вывела завиточки букв и рельефные тени красным и черным карандашом. Вернувшись на кухню, Фло захлопывает дверь, ведущую из лавки, потом — дверь на лестницу, потом — дверь в дровяной чулан.

От ее башмаков остаются следы на чистой мокрой части пола.

— О, я не знаю, — говорит она. Эмоциональный накал в ее голосе явно спадает. — Я не знаю, что мне с ней делать.

Она ловит взгляд Розы, смотрит на свои колени и начинает яростно тереть их, размазывая грязь.

— Она меня унижает, — продолжает Фло, выпрямляясь. Вот оно, объяснение. — Она меня унижает, — со вкусом повторяет Фло. — Никакого уважения.

— Неправда!

— А ну, тихо! — говорит отец.

— Если б я не позвала твоего отца, ты бы так и сидела тут и лыбилась нахально! Что прикажешь с тобой делать?

Роза чувствует, что отец не полностью приемлет риторику Фло, что в нем поднимается некое замешательство, протест. Она ошибается и должна была бы понимать, что ошибается. То, что она знает — и он знает, что она знает, —

никак ей не поможет. Он начинает заводиться. Он взглядывает на Розу. Взгляд поначалу холодный, вызывающий. Он информирует Розу о вынесенном приговоре и о безнадежности ее положения. Потом взгляд светлеет и начинает наполняться чем-то другим, как родник наполняется чистой водой, если убрать из него опавшие листья. Ненавистью и наслаждением. Роза это видит и знает. Может быть, это лишь описание гнева, — может быть, его глаза наполняются гневом? Нет. «Ненависть» — точное слово. И «наслаждение» — тоже точное. Лицо отца размякает, меняется, молодеет, и он снова поднимает руку — теперь уже чтобы остановить Фло.

— Ладно, — говорит он, имея в виду, что она сказала уже достаточно и более чем достаточно, что эта часть разговора окончена и можно двигаться дальше. Он принимается расстегивать ремень.

Но Фло уже и без того замолчала. Ей, точно так же как и Розе, трудно поверить, что неотвратимое действительно должно случиться, что настает момент, когда обратно уже не повернуть.

— Ну я не знаю, может, не надо уж так строго. — Фло нервно перемещается по кухне, будто намереваясь открыть какой-то запасной выход для бегства. — Может, не надо ремнем? Неужели обязательно ремнем?

Отец не отвечает. Ремень неторопливо высвобождается. Рука сжимается вокруг подходящей точки. Так, ну-ка поди сюда. Отец подходит к Розе. Сталкивает ее со стола. Лицо, как и голос, неуместны. Отец, как плохой актер, переигрывает до гротеска. Он словно чувствует себя обязанным смаковать именно самую позорную и ужасную часть происходящего, настаивать на ней. Нельзя сказать, что он притворяется — что это игра и сам он ничего такого не чувствует. Это игра, и он все это чувствует. Роза знает — она все про него знает.

Гораздо позже она размышляла про убийства и убийц. Может быть, убийства доводятся до конца в том числе ради

эффекта — чтобы доказать нечто единственному зрителю, который уже не сможет ни с кем поделиться, сможет лишь осознать полученный урок, состоящий в том, что такое возможно, что ничего невозможного нет, что даже самая ужасная выходка оправданна и можно найти в себе чувства под стать ей?

Роза пытается смотреть не на отца и его ремень, а снова на пол — на ловко пригнанные геометрические фигуры, в которых есть что-то утешительное. Как может все это происходить на глазах у таких обыденных свидетелей — линолеума, календаря с мельницей, ручьем и пожелтевшими деревьями, давно знакомых сковородок и кастрюль?

— А ну, вытяни руку!

Нет, все эти вещи ей не помогут — ни одна из них ее не спасет.

Они становятся никакими, бесполезными, даже враждебными. Горшки умеют злобно ухмыляться, узоры линолеума — скалиться, предательство — обратная сторона ежедневной рутины.

После первой или второй вспышки боли Роза отскакивает назад. Она не намерена терпеть. Она мечется по комнате, пытаясь добраться до дверей. Отец преграждает ей путь. Похоже, в ней нет ни грамма отваги, никакого стоицизма. Она бежит, кричит, умоляет. Отец преследует ее, хлещет ремнем при всякой возможности, потом бросает ремень и начинает действовать руками. Затрещина по одному уху, по другому. Голова мотается, у Розы звенит в ушах. Удар по лицу. Он впечатывает ее в стену и снова бьет по лицу. Трясет, колотит о стену, пинает по ногам. Она ничего не соображает, потеряла рассудок, визжит. Я больше не буду! Прости, пожалуйста, я больше не буду!

Фло тоже кричит. Хватит, хватит!

Он швыряет Розу на пол. А может, она сама падает на пол. Он снова пинает ее по ногам. Она уже забыла все слова и только издает звуки, от которых Фло восклицает:

— Ох, что, если кто-нибудь услышит?

Этот крик — знак униженности, поражения, капитуляции. По-видимому, Роза должна сыграть свою роль так же отвратительно преувеличенно, как отец играет свою. Она изображает жертву так самозабвенно, что возбуждает у отца — возможно, она на это и надеется — окончательное, тошнотное презрение.

Похоже, они готовы любые усилия затратить, дойти до чего угодно.

Не совсем. Отец ни разу не нанес Розе настоящих увечий, хотя по временам она и мечтает об этом. Он бьет открытой ладонью и пинает не в полную силу.

Вот он останавливается, тяжело дыша. Он подпускает Фло поближе, хватая Розу и с возгласом отвращения пихает ее в сторону Фло. Та перехватывает Розу, открывает дверь на лестницу и толкает Розу вверх по ступеням:

— Ступай в свою комнату! Живо!

Роза бредет вверх по лестнице, шатаясь — позволяя себе шататься, позволяя себе падать на ступеньки. Она не хлопает дверью, потому что это может снова навлечь гнев отца, да у нее и сил для этого нет. Она падает на кровать. Через дымоход слышно, как Фло хлопает носом и упрекает отца, а он гневно парирует: ну и молчала бы тогда, раз не хотела, чтобы я ее наказывал, нечего было жаловаться. Фло говорит, что никогда не просила так колотить.

Они начинают препираться. Испуганный голос Фло крепнет, снова обретает уверенность. В этом споре они постепенно становятся прежними, обычными. Вот уже говорит только Фло: отец потерял интерес. Розе приходится умерить свои шумные рыдания, чтобы слышать разговор, и когда ей надоедает слушать и она хочет еще порыдать, то у нее не выходит. Она достигла спокойствия — особого спокойствия, в котором ярость воспринимается как полная и окончательная. В таком состоянии события и перспективы приобретают дивную простоту. Открывающиеся перед ней возможности, к счастью, предельно ясны. Она никогда не скажет ни слова отцу и Фло, будет смотреть на них исклю-

СОДЕРЖАНИЕ

Королевская взбучка	13
Привилегия	42
Половинка грейпфрута	62
Дикие лебеди	84
Дева-нищенка	98
Баловство	142
Провидение	189
Удача Симона	215
По буквам	243
Ты кем себя воображаешь?	262

Манро Э.

М 23 Ты кем себя воображаешь? : рассказы / Элис Манро ; пер. с англ. Т. Боровиковой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 288 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-14870-3

Вот уже тридцать лет Элис Манро называют лучшим в мире автором коротких рассказов, но к российскому читателю ее книги приходят только теперь, после того, как писательница получила Нобелевскую премию по литературе. Критика постоянно сравнивает Манро с Чеховым, и это сравнение не лишено оснований: подобно русскому писателю, она умеет рассказать историю так, что читатели, даже принадлежащие к совсем другой культуре, узнают в героях самих себя. Сборник «Ты кем себя воображаешь?» — удостоенный канадской Премии генерал-губернатора и вошедший в шорт-лист Букеровской премии — по сути является романом в эпизодах. Истории о Фло и ее приемной дочери Розе — пытающейся подняться над жизненными обстоятельствами, окончить университет, сделать карьеру, найти счастье, наконец — изложены с фирменной психологической точностью, а внезапные повороты сюжета придают повествованию волшебный привкус тайны.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Кан)-44

Литературно-художественное издание

ЭЛИС МАНРО
ТЫ КЕМ СЕБЯ ВООБРАЖАЕШЬ?

Ответственный редактор Александр Гузман
Редактор Дарина Никонова
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректоры Елена Терскова, Светлана Федорова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 15.05.2018. Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 12,69. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:
www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-VAK-23230-01-R